

СЕРРЕЙ

Граф Генри Говард Серрей (Henry Howard, earl of Surrey, 1517—1547) — английский поэт. Был приближенным Генриха VIII, участвовал в сражениях и походах, вел жизнь блестящего вельможи, путешествовал по Италии; окончил жизнь на плахе, пав жертвой дворцовой интриги.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, КАК ДОСТИГНУТЬ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ (ИЗ МАРЦИАЛА)

Вот что, я думаю, ведет

К счастливой жизни под луной:

Отцом завещанный доход;

Кусок земли; в душе покой;

Не любящий раздоров друг,

Презренья к почестям, постам;

Поменьше от врачей услуг;

В хозяйстве все, что нужно нам;

Здоровый, скромный стол всегда;

Простой и мудрой жизни дар;

Ночей спокойных череда,

Которым чужд хмельной угар;

С душою преданной жена;

Довольство собственной судьбой.

А смерть? Что ж, пусть придет она

В свой час,— не добрый и не злой.

ШЕКСПИР

В и л ь я м Ш е к с п и р (William Shakespeare, 1564—1616) — великий английский писатель. Родился в г. Стратфорде, где отец его занимался ремеслом и торговлей. Учился в местной классической школе, некоторое время помогал отцу в его занятиях. Около 1585 г. он переселился в Лондон, где в качестве актера вступил в знаменитую труппу Бербеда. Вскоре он начал писать для театра, став постоянным «автором» труппы, на обязанности которого лежало не только создание новых, но и подновление старых пьес. В 1599 г., когда был основан театр «Глобус», он был принят в число пайщиков театрального предприятия. Современники ценили Шекспира не только как драматурга, но и как замечательного поэта-лирика. Его сонеты вызывали восхищение знатоков.

Сонет 66

Я смерть зову, глядеть не в силах боле,

Как гибнет в нищете достойный муж,

А негодяй живет в красе и холе;

Как топчется доверье чистых душ,

Как целомудрию грозят позором,

Как почести мерзавцам воздают,

Как сила никнет перед наглым взором,

Как всюду в жизни торжествует плут,

Как над искусством произвол глумится,

Как правит недомыслие умом,

Как в лапах Зла мучительно томится

Все то, что называем мы Добром.

Когда б не ты, любовь моя, давно бы

Искал я отдыха под сенью гроба.

ДЕЛОНИ

Томас Делони (Thomas Deloney, 1543(?)—1600) — английский писатель. По профессии — ткач. В свое время пользовался значительной известностью, но впоследствии был забыт и «воскрешен» лишь в XX в. В романах «Джек из Ньюбери» («Jack of Newbery», 1594), «Славное ремесло» (1597) и «Томас из Рединга» (1602) он воспроизводит быт ремесленных корпораций в переходный период. Эпоха становления мануфактуры нашла в нем своего выдающегося изобразителя.

ДЖЕК ИЗ НЬЮБЕРИ

ГЛАВА ВТОРАЯ

О большом богатстве Дджека из Ньюбери

Джек из Ньюбери был вдов и мог выбирать между многими женщинами, дочерьми весьма влиятельных людей и очень богатыми вдовами. Но он имел склонность лишь к одной из своих служанок; в продолжение года или двух он испытал ее способности в управлении домом. Зная, насколько она была старательна в делах, добросовестна в счетах и какая она была хорошая хозяйка, он решил, что лучше жениться на ней, хотя у нее не было ничего, чем на другой с целым богатством. Кроме всего прочего, она была стройна телом, красива и свежа лицом. В один прекрасный день он поделился с ней своими намерениями и спросил ее, хочет ли она за него выйти замуж. Принимая с благодарностью это предложение, молодая девушка заявила, что не может ни на что решиться без согласия своих родителей. Тогда было отправлено письмо к ее отцу, бедному крестьянину, жившему в Айльсбюри, в графстве Бюкингам. Весьма обрадовавшись такому счастью для своей дочери, он очень скоро приехал в Ньюбери и был дружески принят Дджеком. Хорошенько его накормив, Джек повел показать ему всех своих людей за работой и все службы своего дома.

В большой и широкой мастерской стояло двести станков, и двести человек работали за этими станками. Рядом с каждым из этих рабочих сидел хорошенький мальчик и весело управлял челноками.

Совсем близко отсюда в другой зале двести веселых кумушек изо всей своей силы чесали шерсть и, работая, все время пели. В соседней комнате работали двести молодых девушек в красных юбках с белыми платками на голове; их рукава были белы, как снег, падающий зимой на западные горы, а у кисти каждый рукав грациозно стягивался лентой. Эти хорошенькие девушки никогда не прерывали своей работы, целый день они пряли. Во время работы они пели своими нежными голосами подобно соловьям. Наконец, они подошли к другой мастерской, где находились бедно одетые дети. Каждый из них сортировал шерсть, отделяя грубую от тонкой; их было числом сто пятьдесят человек. Это были дети бедняков, за работу им платили по пенни каждый вечер, не считая того, что их кормили в продолжение всего дня, и это было для них огромною помощью. В другой комнате они увидели еще пятьдесят человек красивых мужчин, все это были гладильщики; их ловкость и умение можно было тут же наблюдать; совсем рядом с ними находились восемьдесят тачечников, которые также усердно работали. У Дджека была еще красильня, которая давала работу около сорока человекам, и сукновальня, где было занято двадцать человек. Чтобы прокормить всех служащих в его предприятии, ему нужно было каждую неделю десять хороших жирных быков, не считая хорошего масла, сыра, рыбы и всякой другой провизии. У него был отдельный мясник на весь год, также и пивовар для эля б и пива и пекарь, чтобы печь хлеб, необходимый в таком большом предприятии. Пять поваров в его обширной кухне были заняты весь год приготовлением этого мяса, шесть поварят им помогали и мыли посуду, горшки и кастрюли, еще несколько бедных детей приходило каждый день вертеть вертел.

Увидав все это, старый крестьянин был весьма поражен, как этого и можно было ожидать: значит, это был великий суконщик, слава о котором останется навеки.

Когда старик осмотрел этот огромный дом и всю эту семью, его повели по кладовым; одни из них были полны шерстью, другие — руном, третьи — синильником и мареной; наконец, другие еще были наполнены штуками тонкого и толстого сукна, совершенно готового и выкрашенного, там же находилось большое количество других штук, вытянутых на тендерах, повешенных на шестах и лежащих еще мокрыми на полу.

— Сударь,— сказал старый крестьянин,— я вижу, что вы отчаянно богаты, как говорят у нас, и я буду рад отдать вам свою дочь. Да благословит вас обоих бог так же, как я благословляю вас.

МОР

Томас Мор (Thomas More, 1478—1535) — великий английский писатель гуманист и выдающийся политический деятель, первый социалист-утопист в европейской литературе. Родился в Лондоне в семье юриста. Получил гуманистическое образование. Был активным членом парламента, сделался лордом канцлером. Вскоре, однако, в вопросах политики наметилось глубокое расхождение между ним и королем Генрихом VIII. Мор отрицательно относился к реформационным начинаниям Генриха VIII. Ввиду этого он в 1532 г. вышел в отставку, а в 1534 г. был обвинен в государственной измене и казнен (в 1535 г.). Мор написал ряд литературных, научных и политических произведений. Его мировая слава зиждется на социальном романе «Утопия», изданном в Лувене в 1516 г. Роман написан на латинском языке.

УТОПИЯ (Отрывки)

...На острове Утопия пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково; одинакова повсюду и внешность, насколько это допускает местность. Самые близкие из них отстоят друг от друга на двадцать четыре мили. С другой стороны, ни один город не является настолько уединенным, чтобы из него нельзя было добраться до другого пешком за один день.

Из каждого города три старых и опытных гражданина ежегодно собираются в Амауроте для обсуждения общих дел острова. Город Амаурот считается первым и главенствующим, так как, находясь в центре страны, он по своему расположению удобен для представителей всех областей. Поля распределены между городами так удачно, что каждый в отдельности не имеет ни с какой стороны менее двадцати миль земли, а с одной стороны даже и значительно больше, именно с той, где города дальше всего разъединены друг с другом. Ни у одного города нет желания раздвинуть свои пределы, так как жители его считают себя скорее земледельцами, чем господами этих владений.

О занятии ремеслами

У всех мужчин и женщин есть одно общее занятие — земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства, отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти же на ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как там они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают.

Кроме земледелия (которым, как я сказал, занимаются все), каждый изучает какое-либо одно ремесло как специальное. Это обыкновенно или пряжа шерсти, или выделка льна, или ремесло каменщиков или рабочих по металлу и по дереву. Можно сказать, что, кроме перечисленных, нет никакого иного занятия, которое имело бы у них значение, достойное упоминания. Что же касается одежды, то за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к холоду и жаре. И вот эту одежду каждая семья prepares себе сама.

Но из других ремесел всякий изучает какое-либо, и притом не только мужчины, но также и женщины. Впрочем, эти последние, как более слабые, имеют более легкие занятия: они обычно обрабатывают шерсть и лен. Мужчинам поручаются остальные ремесла, более трудные. По большей части каждый вырастает, учась отцовскому ремеслу; к нему большинство питает склонность от природы. Но если кто имеет влечение к другому занятию, то такого человека путем усыновления переводят в какое-либо семейство, к ремеслу которого он питает любовь; при этом не только отец этого лица, но и власти заботятся о том, чтобы передать его солидному и благородному отцу семейства.

О религиях утопийцев

Религии утопийцев отличаются своим разнообразием не только на территории всего острова, но и в каждом городе. Одни почитают как бога солнце, другие — луну, третьи — одну из планет. Некоторые преклоняются не только как перед богом, но и как перед величайшим богом перед каким-либо человеком, который некогда отличился своею доблестью или славой. Но гораздо большая и притом наиболее благоразумная часть не признает ничего подобного, а верит в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума, распространенное во всем этом мире не своею громадою, а силою: его называют они отцом. Ему одному они приписывают начала, возрастания, продвижения, изменения и концы всех вещей; ему же одному, а никому другому они воздают и божеские почести.

ФРАНСУА РАБЛЕ (1494-1553)

Франсуа Рабле является автором романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Этот сатирический роман отражает общественную жизнь и героические идеалы эпохи Возрождения. Два великана: Гаргантюа и Пантагрюэль выведены главными героями романа, они отличаются фантастическим обжорством и невероятной телесной мощью. Рабле создал фантастический роман, в котором присутствует гротеск и преувеличение, здоровый смех и едкая сатира. Произведение называют еще энциклопедией эпохи Возрождения, именно из этого произведения можно узнать об идеальном общественном устройстве общества, о различных системах обучения детей, о том, чем занимались люди того времени.

Гаргантюа и Пантагрюэль

О детстве Пантагрюэля

Теперь я расскажу вам историю славного Пантагрюэля, сына Гаргантюа. Мать Пантагрюэля великанша Бадебек, умерла, когда мальчик только что появился на свет. Бедняга Гаргантюа не знал, что ему делать: плакать или смеяться.

— Что же мне делать? — говорил в отчаянии Гаргантюа. — Плакать? Да, но почему? Потому что скончалась моя добрая жена и я больше никогда ее не увижу. Ах, Бадебек, душа моя, голубка, крошка моя — (эта крошка была ростом в две сажени с лишним), — душка моя, милашка моя, туфелька моя, что же мне теперь делать? Ах, бедный Пантагрюэль, ты лишился своей матушки, мой дорогой сынок!

И, говоря это, Гаргантюа ревел, как корова. И вдруг он начинал смеяться, как теленок, вспомнив про Пантагрюэля.

— Ох, сынок мой, — говорил он, — птенчик мой, котеночек мой! Как я благодарен судьбе за то, что она послала мне такого красивого, такого веселого, такого милого сына. О_хо_хо_хо! Бросим грусть! Будем пить! Принесите нам лучшего вина, вымойте стаканы, накройте стол, прогоните собак, растопите камин, закройте дверь, разливайте похлебку! Да позовите нищих, дайте им денег. Плащ я сниму, буду пировать в одной куртке. Ну, живее вина!

А Пантагрюэль между тем лежал в своей колыбели и ждал, когда его накормят молоком. Каждое утро он высасывал молоко из 4600 коров: ведь кормилицы у него не было, а молока требовалось пропасть. Как-то раз служанки запоздали, и вот Пантагрюэль разбросал пеленки, схватил корову за ноги и так впился в ее вымя, что корова заревела, точно ее волки терзали. На шум сбежались люди и с трудом отняли корову у Пантагрюэля. После этого случая Гаргантюа приказал привязывать сына к колыбели толстыми канатами. Но однажды большой медведь, которого Гаргантюа держал на привязи в своем доме, сорвался с цепи и, подбежав к мальчугану, стал облизывать ему личико. Дело в том, что перед этим няньки кормили Пантагрюэля кашицей и забыли вытереть ему рот. Вот эта кашка и соблазнила медведя. И что, вы думаете, сделал Пантагрюэль? Он понатужился, разорвал канаты, схватил господина медведя и разорвал его на клочки, как цыпленка. Мало того, он тут же съел медвежье мясо, пока оно еще не остыло. Видя в сыне такую силу, Гаргантюа стал опасаться, чтобы он не зашиб как-нибудь самого себя. И вот Пантагрюэля приковали к кровати четырьмя толстыми железными цепями. Одна из этих цепей и сейчас еще находится в Ля-Рошели. Она там висит в гавани, между двумя большими башнями. Вторая цепь сейчас в Лионе, третья в Анжере, а четвертую, говорят, утащили черти, чтобы связать ею Сатану. Дело в том, что у Сатаны в то время болел живот и черти опасались, что им от этого не поздоровится. Итак, Пантагрюэля привязали цепями, и с тех пор он спокойно лежал в своей колыбели.

Однажды, когда Гаргантюа справлял роскошный пир по случаю какого-то праздника, мамки так захлопотались, что совсем забыли про бедняжку Пантагрюэля. Что же он сделал? Вот послушайте-ка, добрые люди. Пантагрюэль сначала попробовал разорвать цепи руками. Это ему не удалось: цепи были очень крепкие. Тогда он стал колотить ногами, так что проломил край своей колыбели, хотя она была толщиной не меньше как в полтора аршина. Пантагрюэль высунул ногу наружу, ухитрился достать до пола, приподнялся и встал на ноги. Колыбель поднялась вместе с ним и очутилась у него за плечами. Если бы вы увидели Пантагрюэля в таком виде, вам показалось бы, что это огромный морской корабль встал на дыбы и зашагал по комнате.

А Пантагрюэль спокойно спустился с лестницы и смело вошел в залу, где пировали гости. Вот где смеху-то было! Руки у Пантагрюэля были связаны, поэтому он нагнулся над столом и стал хватать кушанья зубами.

Тут Гаргантюа не вытерпел и приказал освободить Пантагрюэля. С Пантагрюэля сняли цепи, и вот наш молодец, почуяв свободу, разломал свою ненавистную колыбель на 1500 маленьких кусочков. После этого он преспокойно уселся за стол и плотно поужинал.

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС (1547-1616)

Дон Кихот

Глава I

Повествующая о нраве и образе жизни славного идалго Дон Кихота Ламанчского

В некоем селе ламанчском, которого названия у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идалго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке. Оля (Оля — испанское национальное блюдо из мяса и овощей.) чаще с говядиной, нежели с бараниной, винегрет, почти всегда заменявший ему ужин, яичница с салом по субботам, чечевица по пятницам, голубь, в виде добавочного блюда, по воскресеньям — все это поглощало три четверти его доходов. Остальное тратилось на тонкого сукна полукафтанье, бархатные штаны и такие же туфли, что составляло праздничный его наряд, а в будни он щеголял в камзоле из дешевого, но весьма добротного сукна. При нем находились ключница, коей перевалило за сорок, племянница, коей не исполнилось и двадцати, и слуга для домашних дел и полевых работ, умевший и лошадь седлать и с садовыми ножницами обращаться. Возраст нашего идалго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав, любитель вставать спозаранку и заядлый охотник.

Надобно знать, что вышеупомянутый идалго в часы досуга — а досуг длился у него чуть ли не весь год — отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти совсем забросил не только охоту, но даже свое хозяйство; и так далеко зашли его любознательность и помешательство на этих книгах, что, дабы приобрести их, он продал несколько десятин пахотной земли и таким образом собрал у себя все романы, какие только ему удалось достать.

Одним словом, идалго наш с головой ушел в чтение и сидел он над книгами с утра до ночи и с ночи до утра; и вот, оттого что он мало спал и много читал, мозг у него стал иссыхать, так что в конце концов он и вовсе потерял рассудок. Воображение его было поглощено всем тем, о чем он читал в книгах: чародейством, распрями, битвами, вызовами на поединок, ранениями, объяснениями в любви, сердечными муками и разной невероятной чепухой; и до того прочно засела у него в голове мысль, будто все это нагромождение вздорных небылиц — истинная правда, что для него в целом мире не было уже ничего более достоверного.

Глава VII

О славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем

Тут глазам их открылось не то тридцать, не то сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

— Судьба руководит нами как нельзя лучше. Посмотри, друг Санчо Панса: вон там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, — я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостояния. Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли — значит верой и правдой послужить богу.

— Где вы видите великанов? — спросил Санчо Панса.

— Да вон они, с громадными руками, — ответил его господин. — У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

Помилуйте, сеньор, — возразил Санчо, — то, что там виднеется, — вовсе не великаны, а ветряные мельницы, то же, что вы принимаете за их руки, — это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова.

— Сейчас видно неопытного искателя приключений, — заметил Дон Кихот. — Это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

С последним словом, не внемля голосу Санчо, который предупреждал его, что не с великанами едет он сражаться, а, вне всякого сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, а потому, не обращая внимания на крики оруженосца и не видя, что перед ним, хотя находился совсем близко от мельниц, громко восклицал:

— Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь.

В это время подул легкий ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

— Машите, машите, руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриаррея, и тогда пришлось бы вам поплатиться!

Сказавши это, он всецело отдался под покровительство госпожи своей Дульсиinei, обратился к ней с мольбой помочь ему выдержать столь тяжкое испытание и, заградившись щитом и пустив Росинанта в галоп, вонзил копье в крыло ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой бешеной силой повернул крыло, что от копья остались одни щепки, а крыло, подхватив и коня и всадника, оказавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помощь ему во весь ослиный мах поскакал Санчо Панса и, приблизившись, удостоверился, что он не может пошевелиться — так тяжело упал он с Росинанта.

— Ах ты господи! — воскликнул Санчо. — Не говорил ли я вашей милости, чтобы вы были осторожнее и что это всего-навсего ветряные мельницы? Их никто бы не спутал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

— Помолчи, друг Санчо, — сказал Дон Кихот. — Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств. К тому же я полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон, тот самый, который похитил у меня книги вместе с помещением, превратил великанов в ветряные мельницы, чтобы лишить меня плодов победы, — так он меня ненавидит. Но рано или поздно злые его чары не устоят пред силою моего меча.

— Это уж как бог даст, — заметил Санчо Панса.

Он помог Дон Кихоту встать и усадил его на Росинанта, который тоже был чуть жив. Продолжая обсуждать недавнее происшествие, они поехали по дороге к Ущелью Лаписе.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ

Это небольшое сочинение написано было Эразмом Роттердамским, — по его собственным словам, от нечего делать — во время продолжительного, при тогдашних путях сообщения, переезда его из Италии в Англию. Сам Эразм смотрел на это свое произведение, как на литературную безделку, — но своей литературной знаменитостью и своим местом в истории он обязан этой безделке во всяком случае не в меньшей степени, чем своим многотомным ученым трудам. Большая часть последних, сослужив в свое время службу, давным-давно опочили в книгохранилищах, под толстым слоем вековой пыли, в то время как «Похвала Глупости» продолжает до сих пор читаться, сравнительно немногими в латинском подлиннике, но, можно сказать, всеми в переводах, имеющихся в настоящую пору на всех европейских языках, и тысячи образованных людей продолжают зачитываться этой гениальной шуткой остроумнейшего из ученых и ученышего из остроумных людей, каких только знает история всемирной литературы.

Предисловие автора

Эразм Роттердамский своему милому Томасу Мору — привет.

...Найдутся, быть может, хулители, которые станут распространять клевету, будто легкие эти шутки не к лицу теологу и слишком язвительны для христианского смирения; быть может, даже обвинят меня в том, что я воскрешаю древнюю комедию или, по примеру Лукиана, подвергаю осмеянию всех и каждого. Но пусть те, кого возмущают легкость предмета и шутливость изложения, вспомнят, что я лишь последовал примеру многих великих писателей. Сколько веков тому назад Гомер воспел Батрахомиомахию, Марон — комара и чесночную закуску, Овидий — орех!

Глава I

Глупость говорит:

Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, — мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, — все же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство — перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многочленном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех. При взгляде на вас кажется мне, будто я вижу богов Гомеровых, охмелевших от нектара, настоящего на непенте, а ведь только что вы сидели печальные и озабоченные, словно воротились недавно из Трофониевой пещеры. Подобно тому как утреннее солнце, показывающее земле свой прекрасный золотой лик, или как ранняя весна, веющая приятными зефирами после суровой зимы, всему сообщают новый цвет и вид и новую юность, так и у вас при взгляде на меня совсем иными сделались лица. В то время как даже великие риторы лишь при помощи длинной, старательно обдуманной речи понуждают вас стряхнуть с души тяжелые заботы, я достигла этого сразу, единым моим появлением.

Глава II

Глупость говорит:

Чего ради выступаю я сегодня в несвойственном мне облике, об этом вы узнаете, ежели будете слушать внимательно, — не так, как слушают церковных проповедников, но как внимают рыночным скоморохам, шутам и фиглярам или так, как наш друг Мидас слушал некогда Пана. Ибо захотелось мне появиться перед вами в роли софиста, но только — не одного из тех, которые ныне вколачивают в головы мальчишкам вредную чушь и научают их препираться с упорством, более чем бабьим. Нет, я хочу подражать тем древним грекам, которые, избегая позорной клички мудрецов, предпочли назваться софистами. Их тщанием слагались хвалы богам и великим людям. И вы тоже услышите сегодня похвальное слово, но не Гераклу и не Солону, а мне самой, иначе говоря — Глупости.

Глава III

Глупость говорит:

Воистину не забочусь я нисколько о тех любомудрах, которые провозглашают дерзновеннейшим глупцом всякого, кто произносит хвалы самому себе. Ладно, пусть это будет глупо, если уж им так хочется, — лишь бы зорно не было. Кому, однако, как не Глупости, больше подобает явиться трубачом собственной славы и самой себе подыгрывать на флейте? Кто может лучше изобразить меня, нежели я сама? Разве что тот, кому я известна ближе, нежели себе самой! Сверх того, действуя таким образом, я почитаю себя скромнее большинства великих и мудрых мира сего. Удерживаемые ложным стыдом, они не решаются выступить сами, но вместо того нанимают какого-нибудь продажного ритора или поэта-пустозвона, из чьих уст выслушивают похвалу, иначе говоря — ложь несусветную. Наш смиренник распускает хвост, словно павлин, задирает хохол, а тем временем бесстыжий льстец приравнивает этого ничтожного человека к богам, выставляет его образцом всех доблестей, до которых тому, как до звезды небесной, далеко, наряжает ворону в павлиньи перья, старается выбелить эфиопа и из мухи делает слона. Наконец, я применяю на деле народную пословицу, гласящую:

«Сам выхваляйся, коли люди не хвалят».

Не знаю, чему удивиться — лени или неблагодарности смертных: хотя все они меня усердно чтут и охотно пользуются моими благодеяниями, никто, однако, в продолжение стольких веков не удосужился воздать в благодарственной речи похвалу Глупости, тогда как не было недостатка в охотниках сочинять, не жалея лампового масла и жертвуя сном, напыщенные славословия Бусиридам, Фаларидам, перемежающимся лихорадкам, мухам, лысинам и тому подобным напастям. От меня же вы услышите речь, не подготовленную заранее и не обработанную, но зато тем более правдивую.